

НЕДАВНО В СОФИЙСКОМ ТЕАТРЕ НАРОДНОЙ АРМИИ СОСТОЯЛАСЬ ПРЕМЬЕРА. В ЧЕСТЬ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО СТАВИЛАСЬ ЕГО ПЬЕСА «НА ДНЕ». ПОСТАНОВКУ ОСУЩЕСТВИЛ РЕЖИССЕР АКАДЕМИЧЕСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА СССР Л. В. ВАРПАХОВСКИЙ, ОФОРМИЛ СПЕКТАКЛЬ ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. К. С. СТАНИСЛАВСКОГО Д. Л. БОРОВСКИЙ.

Возвратившись из Софии, Леонид Викторович Варпаховский встретился с нашим корреспондентом и ответил на его вопросы.

— Какова была ваша реакция на предложение поставить «На дне» в театре Народной армии?

Л. В. — Я обрадовался, так как гонял всю трудность и почетность задачи. Пьеса известна болгарским зрителям не меньше, чем советским. Так же, как и у нас в стране, она стала в Болгарии хрестоматийной, включена в школьные программы. В 1903 году, через год после постановки во МХАТе, «На дне» поставил казанлыкский «Современный театр». Моя постановка — двадцать седьмая на болгарской сцене.

— Какие же находки, новшества позволили вам «конкурировать» с двадцатью шестью предыдущими постановками «На дне»?

Л. В. — Софийская постановка — это моя вторая встреча со знаменитой горьковской пьесой. Шесть лет назад в Киевском театре им. Леси Украинки я вместе с Давидом Боровским, который работал тогда там художником, поставил «На дне». Мне казалось, что я нашел современное решение классической пьесы. В спектакле, в частности, было оригинальное толкование одной из самых противоречивых фигур русской, да, пожалуй, и мировой литературы — странника Луки. Как постановщик я исходил из мысли, что Лука субъективно добрый, честный человек, искренне желающий счастья обездоленным, брошенным на дно жизни людям.

При всей своей субъективной искренности, сладкогласные утешители типа Луки объективно приносят людям не меньше горечи и страданий, чем свирепые тираны. «Хитрого» Луку, как называл его Горький (писатели могут ошибаться в оценке своих героев), играть проще, но и менее интересно, менее верно, на мой взгляд, чем Луку доброго и не понимающего вреда своей доброты.

— Какое чисто внешнее, оформительское выражение нашло в спектакле ваше стремление

ПЕРВАЯ И ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

создать произведение, звучащее так же современно сегодня, как и в день первой постановки?

Л. В. — Войдя в небольшой зрительный зал Софийского театра Народной армии, вы сразу попадаете в атмосферу ночлежки. Пока зрители, переговариваясь, ищут свои места и рассаживаются, на не отделенной от зала занавесом сцене, на голых нарах, покрытых рогожами, спят обитатели «дна». Зритель захватывает кусок жизни этих людей, которая идет независимо от него (зрителя), шла до его появления и будет продолжаться после...

Мы с Боровским отказались от ставшего традиционным после первой постановки «На дне» в Художественном театре бытового декоративного решения, поскольку оно показало нам локальным, характерным лишь для знаменитого Хитрова рынка.

Мы подумали, что интерьер «дна» может быть похож на внутреннее «убранство» барачников фашистских концлагерей или ночлежных домов Нью-Йорка, словом, всех тех мест, где о людях заботятся лишь настолько, чтобы они кое-как существовали. И правильность нашей мысли неожиданно получила подтверждение: уже после того, как чисто умозрительно мы пришли к идее так называемой «вагонки» — голых многоярусных нар, в одной газете я встретил фотографию американской ночлежки. Она как две капли походила на то, что было создано нашим воображением.

— Ваши впечатления от актеров, с которыми вам пришлось работать?

Л. В. — Есть такая история про актера, который говорил утром на репетиции: «У меня талант раньше двенадцати не просыпается». В театре Народной армии актерский талант просыпался ровно в девять утра — к началу репетиции. Работать с актерами было необычайно легко. Я никогда прежде не

встречал такого сочетания профессионализма и высокой творческой дисциплины.

— Леонид Викторович, общеизвестно, что спектакль, когда за ним нет постоянного режиссерского надзора, «разбалтывается». Какая в связи с этим судьба ждет вашу постановку?

Л. В. — Уезжая, я составил контрольный хронометраж спектакля.

Один экземпляр я взял с собой, другой оставил в театре. Это как температурный листок больного: если цифры меняются в ту или другую сторону, значит, плохо дело — сбился ритм или пошла скороговорка. По договоренности, в случае чего помреж должен дать мне телеграмму. Придется срочно вылетать...

— Несмотря на свою занятость, вы, без сомнения, бывали на спектаклях болгарских режиссеров в местных театрах. Что произвело на вас наибольшее впечатление?

Л. В. — На мой взгляд, как и в других странах, в Болгарии острейшая театральная проблема — режиссерские кадры. Не хватает квалифицированных, профессионально безупречных постановщиков, хотя, как и везде, есть талантливые люди. Большое впечатление произвел на меня спектакль по пьесе Ивана Радоева «Ромео и Джульетта» в Софийском театре сатиры. Поставил его молодой режиссер из города Бургаса. Свежо, современно, неожиданно. Пьеса рассказывает о возвышенной любви современных болгарских Ромео и Джульетты. И, наверное, потому, что сам постановщик — Асен Шопов — молод, так же молод и спектакль. Мне бы очень хотелось, чтобы то удовольствие, которое я получил от работы Шопова, получили и советские зрители. Хорошо, если бы Асен Шопов привез свой спектакль в Советский Союз. Всего в Болгарии я посмотрел около десяти спектаклей.

Сов. кинематограф, Москва, 1968, 5 ноябрь